

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.3.11>

УДК 39(091)

ББК 63.5

«ИГРАЮТ МАЛЬЧИКИ В ВОЙНУ»: ИГРА КАК СПОСОБ ОСВОЕНИЯ ДЕТЬМИ ПРОСТРАНСТВА ВОЙНЫ¹

Рыблова Марина Александровна

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Южного научного центра РАН
ryblova@mail.ru
просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Назарова Марина Петровна

Доктор философских наук, профессор
Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета
nazarov.34@yandex.ru
ул. Академическая, 1, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. На основе анализа воспоминаний тех, чье детство проходило в условиях Сталинградской битвы, в статье выявлены механизмы адаптации детей к экстремальным условиям войны с помощью игр и игровых ситуаций; показаны их гендерные и возрастные особенности.

Ключевые слова: антропология военного детства, адаптационные возможности игры, детская территория войны, половозрастные особенности детских военных игр.

В гуманитарных науках неоднократно предпринимались попытки выделить основополагающие (базовые) признаки игры, способные отличить ее от других подобных или схожих явлений, например, обряда. В числе таких признаков назывались, например, соревновательность (агон) [23, с. 64–65]; бесцельность; спонтанность и непредсказуемость (комбинаторность). По мнению И.А. Морозова и И.С. Слепцовой, последнее качество можно признать конституирующим признаком игры, ее основополагающим свойством [18, с. 39–40]. Исследователи считают, что такое понимание игры не противоречит ее определению, данному Л.С. Выготским: «игра – это своеобразное отношение к действительности, которое характеризуется созданием мнимых ситуаций или переносом одних свойств предметов на другие» [2, с. 158].

В свою очередь, комбинаторность опирается на такие важнейшие игровые катего-

рии, как «выбор» и «переход». Первая категория предполагает создание для участников игры ситуации широкого выбора, а вторая связывает ее с понятием перехода из одного состояния в другое. Так, игра в народной традиции воспроизводится в ситуациях перехода от земной жизни к потусторонней (игры и развлечения на похоронах и поминках), в случаях смены статуса (на свадьбе, в обрядах инициации) и пр. Отсюда становится понятной роль игры в любых «переходных», экстремальных жизненных ситуациях, особенно если это относится к возрастной группе детей. Игра позволяет детям воспринимать и проживать пространственно-временные категории особым образом и изменять то, что, казалось бы, представляет собой некую константу. Не имеющий возможности существенно изменять что-то в реальной жизни, в игре ребенок становится полноправным хозяином ситуации.

В играх советских детей военного времени, безусловно, отражались реалии войны (деление окружающих людей на «наших» и немцев, также как на «красных» и «белых» в довоенное время), но в них не воспроизводилась реальность буквально; более того – в игре событие нередко отображалось в зеркальной проекции или, во всяком случае, так, как это было предпочтительно для играющего (здесь комбинаторность проявлялась в ситуации предпочтительного выбора). «Немцы» в играх детей военного времени непременно повергались, а «наши» побеждали. Более того, пережитые унижения и страхи переключивались на поверженного в играх врага, а играющему всегда доставался статус победителя. Нередко в играх детей, переживших военное насилие, исследователи фиксировали вживание их в роль насильников и агрессоров [16, с. 169–176].

Вообще мир взрослых оказывался проявленным в мире детских игр хотя бы уже потому, что дети посредством игры пытались преодолеть ужас ситуаций, созданных взрослыми. Иногда взрослый мир вторгался в детские игры непосредственно, используя, например, игры и игрушки для подготовки детей к войне. Такими играми накануне войны в Советском союзе были «Наблюдатель», «Следопыт», «Проводник», призванные развивать наблюдательность, умение ориентироваться на ландшафте и другие качества, необходимые в экстремальных обстоятельствах. Так, в «Наблюдателе» дети учились распознавать звуки природы и определять расстояние до них, используя направление ветра, прикладывая ухо к земле. «Следопыты» разбирали дорожные знаки, учились подражать голосам животных и птиц, «читать» следы. В «Проводнике» участники игры определяли стороны света по компасу, часам, солнцу, луне, звездам, по местным ориентирам и приметам, преодолевали по этим ориентирам до 5 км пути [22]. Как правило, в такие игры дети играли в пионерских лагерях под руководством взрослых.

Но в ситуации войны дети зачастую преобразовывали эти и создавали совсем другие игры, которые помогали им преодолевать реально выпадавшие на их долю испытания. Это были такие формы игры, которые не всегда

понимались взрослыми, но именно они позволяли детям гораздо успешнее, чем взрослым преодолевать страхи и спасти психику от травмирующего воздействия войны. Так, по словам Й. Хейзинга, дети создавали в пространственно-временном континууме войны свою игровую территорию, свой новый мир, в котором действовали собственные правила [23, с. 16].

В этой работе мы предлагаем рассмотреть игры детей военного Сталинграда, как механизм их адаптации к тяжелейшим условиям одного из самых кровопролитных сражений в истории войн; как способ создания собственно «детской территории» в пространстве хаоса, жестокости и смерти взрослого мира. В качестве источников этого исследования использовались как уже опубликованные воспоминания «детей военного Сталинграда» [1; 19; 21], так и недавно собранные сотрудниками и студентами Волгоградского государственного университета в рамках проекта, поддержанного РГНФ «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны».

Игры довоенного времени нередко всплывают в памяти наших информантов еще до того, как об этом спросят их интервьюеры. Они вписываются в общую картину, которая зачастую собирается из разрозненных фрагментов, но в которой почти всегда доминируют яркие и светлые цвета. Как правило, очень радостным вспоминается и время школьное, что часто удивляет наших молодых интервьюеров. Перечень игр детей довоенного Сталинграда очень велик, и это многообразие поражает не только современную молодежь, чье игровое пространство зачастую ограничено экранами компьютеров, но и тех, кто в то же самое – довоенное – время жил, например, в Ленинграде. В числе наших информантов более десятка человек, которые называют себя блокадниками: они родились в Ленинграде, пережили ужасы начала блокады, но впоследствии, будучи эвакуированными, попали в Сталинград.

В воспоминаниях А.И. Гусева о ленинградском довоенном детстве дается сравнение возможностей «территории игры» его родного города и принявшего его впоследствии

Сталинграда: *«Про игры довоенные вот что расскажу. Когда я совсем маленький был, до блокады, я же в Ленинграде жил. Вы были в Ленинграде? Дворы видели? Где там детям развернуться? А в Таврическом саду? Ну, что там? Поэтому особо игр не было. Ну, зимой на финских саночках катались. Я игр не помню. Я все время с тетушкой со своей, ей поручили меня воспитывать, она была на 13 лет старше меня. Чтобы я не приставал, они меня с подружкой катали на финских саночках... А больше в Ленинграде игр не было. Только в квартире мы играли, игрушки были: танки были, все... Игры были нешумные. А уличные игры тоже были ограничены, ну город же. В Ленинграде дети не все играли, и каких-то особых игр не было. А вот когда сюда приехал, здесь была лапта, причем играли все: и маленькие дети, и постарше. На равных играли, никто никого не обижал. Ребята были с Метизного завода, подростки. Играли в лапту, в «чижик»... и играли в «казанки», в «альчики» [7].*

Групповой характер лапты подчеркивали многие наши информанты: она объединяла и мальчиков, и девочек, независимо от возраста. Степной ландшафт сталинградских окраин давал прекрасные возможности для этой масштабной игры, в которой одновременно могло принимать участие неограниченное количество людей. Финские саночки ленинградцев заменялись в Сталинграде местными «говениками»: *«Делали санки, салазок тогда не было. Мы делали из коровьего навоза такой круг, замораживали его, потом замерзнет он, переворачиваем, снега накладываем, и получается выпуклый круг. Мы снегом набиваем, потом льдом набиваем, и такие салазки! С горы катаешься, сильнее салазок летишь» [16].* Подобным же образом катались с ледяных гор и сельские дети Сталинградской области. Описания летнего досуга сталинградских детей также напоминает традиционные сельские «улицы» с хороводами и играми на свежем воздухе: *«Играть любили мы, детвора. Обычно собирались около оврага у нашего дома. По склонам оврага скакали. А вечерами играли в брехухий телефончик, прятки, классики, дого-*

нялки, прыгалки. Какие-то хороводы водили, друг другу навстречу шли, песни пели... Весело было» [4].

Ни мало было и игр, специфически мальчишеских и девчоночьих. Мальчишки играли в альчики (кости), в чижику, в жестку, в ножик. Их игры часто были состязательными, а в военное время агон в игровом пространстве мальчиков усилится многократно. Именно мальчишки (по словам наших информантов) постоянно вносили в игровую сферу инновации («придумывали что-то новое»). Особенно активно поиск новых форм в мальчишеской среде будет происходить в военное и послевоенное время. Это явление – выражение общей гендерной специфики: мужчины предназначены осваивать новые территории и формы жизнедеятельности.

Не менее разнообразной была игровая сфера жизни девочек довоенного времени. Здесь преобладали ролевые игры: в дочки-матери, в магазин, в докторов и пр.: *«В дочки-матери играли, в магазин, в школу. Делали куклы сами, набивали их опилками. Тряпочки даже ходили на помойку собирать. Рядом с домом играли в продавцов. Делали из подручных материалов весы – ставили на камень дощечки [14].*

«Игрушек в нашем детстве, конечно же, не было. Хотя, нет. Была одна кукла, сшитая мамой. Но чаще всего играли то в догонялки, то в прятки, в классики, в лапту. Старались больше времени проводить на свежем воздухе... Все игры у нас в основном проходили на Мамаевом Кургане. Это, наверное, в метрах трехстах от нас. Там любили в прятки играть и с круч прыгать. Весной он был таким красивым! Столько тюльпанов на Мамаевом Кургане росло! Правда, мы их называли не тюльпанами, а лазоревыми цветами. Часто с подружками бегали и рвали огромные букеты» [6].

Изменения на территории детской игры начались буквально с момента объявления войны: *«Нет, саму речь Молотова я не слышал. Слышал речь Левитана из динамика на улице о начале войны и о победе. Как ребенок, я тогда всего еще не понимал, но мы, как мальчишки, начали делать пистолеты, рогатки. Вроде тоже оружие. Ви-*

дел слезы на глазах у взрослых, какая-то тревога, которая передавалась и детям. Помню, как девчонки плакали» [13].

В этом фрагменте воспоминаний подмечена ситуация, в которой детский мир пока еще просто копирует поведение взрослых: девочки плачут вслед за женщинами, а мальчики, «вооружаются», как и их отцы. Однако в дальнейшем дети начнут активно вырабатывать свои собственные адаптационные механизмы поведения.

Логично было бы предположить, что война (а тем более ситуация столь разрушительной Сталинградской битвы) должна была если не уничтожить, то, во всяком случае, сильно сузить территорию детской игры. Однако и опубликованные воспоминания, и записанные нами интервью свидетельствуют о другом. Во-первых, война расширила территорию игры в пространственном отношении: появилось еще больше свободных от застройки зон. Развалины военного Сталинграда не удручали детей: «Здесь в Сталинграде в основном, были разбитые улицы, пустые. Играть можно было в лапту – никому окно не разобьешь. И коньки! Здесь были коньки. На каких только коньках не катались! Бабушка называла их «снегурки», потом какие-то «дутыши». Все это привязывалось к валенкам, ботинок не было. Катались на коньках все! И маленькие, и большие. Я хочу подчеркнуть! Не то, что там: «Идите отсюда!». В «расшибалочку» играли. Денег-то не было, полуголодные были в 43–44 годах. И играли в «казанки» [7]. Далее в этом воспоминании следует рассказ о том, как подростки Центра и Заполотновской части города соревновались в добыче военных припасов: осколков бомб и снарядов, патронов и пр.

О том, как воспринимался и осваивался детьми разрушенный город, свидетельствуют дети военного Сталинграда, ставшие впоследствии москвичами: «И вот мои первые впечатления, оставшиеся в памяти. Я хожу среди обугленных обломков, искореженного металла, обрубленных деревьев. Таким был мир моего детства в разрушенном немцами Сталинграде. Детям всегда хочется играть. И мы прятались в воронках, залезали в пустые блиндажи, собирали

осколки. Эта обстановка, которая могла привести в смятение обычного человека из мирной жизни, нам казалась обычной. Ведь ничего другого мы еще не видели в своей короткой жизни. Вблизи нашего жилища стояли разбитые орудия, а в осевших траншеях мы находили россыпи патронов» [1, с. 32].

«На площади Павших борцов был выставлен сбитый немецкий самолет. Сначала его охранял милиционер, а затем самолет оставили на «попечение» мальчишкам, и мы не только тщательно изучали его, но и тайком отвинчивали детали» [там же, с. 152].

Помимо увеличения пространственного поля игры война (особенно после прекращения боевых действий в городе) освободила многих детей от взрослой опеки, что также расширяло возможности детских инициатив и экспериментов: «Но дети есть дети. Их жизнелюбию можно было только удивляться. Предоставленные самим себе они собирались в группы, придумывали различные игры. Много играли в войну. Нападали, защищались, боролись, имитировали стрельбу, взрывы, копали землянки и окопы. Становились летчиками, солдатами, моряками, партизанами...» [24, с. 1].

Отсутствие фабричных (да вообще любых) игрушек не только не сужало возможности играющих, но, напротив, побуждало их к поиску новых игровых форм, к изобретению новых игрушек из подручных материалов: «Играли в городки, лапту, гоняли мяч, прыгали друг через друга играя в козла. Речки зимой и летом были полны детворы. Сами делали «аквапарки», поливая водой спуски с горок в воду, «тарзанки» на ивах. Зимой катались на самодельных коньках, конусных деревяшках с вделанным прутком и привязанным к сапогам или валенкам ремешками. Играли в хоккей самодельными клюшками, проваливались под лед и сушились у костров из камыша.

У детей войны не было плюшевых мишек, машинок, магазинных ружей и пистолетов. Игрушки изготавливали сами или взрослые. Делали луки из веток вишни, стрелы из камыша с наконечниками из жести, пистолеты и ружья из древесных пустотелых стволов бузины, свистки из

вербы, снимая кору, вырезая особым образом прут и вновь покрывая его корой. Изготавливали и опасные игрушки – поджиги из медных трубок в виде пистолетов и ружей, набивали их порохом, кусочками свинца или шариками, поджигали отверстие в трубке и стреляли. Такая «забава» кончалась иногда плохо, трубки могли разорваться и ранить как стрелявшего, так и стоявших рядом» [24, с. 2].

Сохранившиеся от довоенного времени игрушки ценились детьми необычайно. Они были не просто символами прежней, мирной жизни (как это было зачастую у взрослых по отношению к каким-то вещам) и даже не просто символами детства в полном его смысле. В экстремальных условиях войны довоенным игрушкам возвращался их истинный древний статус ритуальных предметов. В жизни детей войны игрушки мирного времени становились талисманами, способными спасти их не только от одиночества, но и от самой смерти, а потому ими чрезвычайно дорожили: «20-го октября немцы выгнали нас и всех соседей из «щелей», и колонна беженцев пошла в сторону Калача. Шли женщины, дети, старики, все несли узелки с вещами. В руках у меня была кукла, а за спиной привязаны валенки» [1, с. 21]; «Шли нагруженные котомками, в которых сухари и крупы, в руках – четырехлитровый чайник с водой и портфели, но не с книгами, а с куклами и лоскутками. Нам, еще детям, очень хотелось играть, а немцы повернули нашу жизнь совсем в другую сторону» [19, с. 150]; «На берегу Волги было так много людей, что он был похож на огромный муравейник. Грузились ночью. Я вздремнула у мамы на коленях и выронила гуттаперчевого Генку, которого так бережно несла от Красного Октября до переправы. Меня охватил ужас. Я стала шарить по земле руками, но потерю найти было невозможно. В толпе меня чуть не задавили, а мама еле вытащила меня оттуда. На душе было тяжело, будто с потерей Генки я навсегда рассталась со своим детством» [там же, с. 14].

Если довоенные игрушки приобретали в условиях войны статус ритуальных предметов (оберегов), то сама игра также нередко

выступала в качестве мощного адаптационного механизма, помогавшего детской психике переживать ужасы бомбежек и смертей. Так, в рассказе Т.В. Забелиной представлен эпизод первого дня бомбежек в Сталинграде, восстановленный со слов ее матери, в котором оставшаяся одна в период бомбового удара девочка, испытав сильнейший шок, нашла спасение в том, что под разрывами бомб и снарядов села в песочницу и тихо ушла на «территорию игры»: «...Это просто чудо, потому что она сама работала на телеграфе, и когда стали бомбить, все стали убежать по домам. Ну, и мама, конечно, пошла. Все это бросила. Да что там говорить, все бросили. Аппаратура работала... Представляешь, бежала она по улице Советской, к дому. Прибежала, а я играю в песке, понимаешь... А все попрятались... Конечно, я бегала первое время, искала всех, но все попрятались, а я растерялась. И тогда я села, и стала играть...» [9].

Девочка, спокойно играющая в песочнице на фоне разрывов бомб, представляла собой, очевидно, зрелище почти мистическое. Но в данном случае мистика игры, ее способность осуществлять «переход» (создавая новое время и новое пространство) спасли психику ребенка. В этом эпизоде очень ярко показана особенность адаптации через игру именно маленьких девочек. Они уходили в мир игры, отрешившись от войны, в то время как мальчики создавали игровые ситуации, в которых война «переигрывалась», и это открывало перед ними большие адаптационные возможности.

Почти как заклинания воспринимаются современным человеком тексты, с помощью которых сталинградские мальчишки обыгрывали пространство бомбежек. Сидя в щелях и прислушиваясь к звукам воздушного боя, они хором речетативом воспроизводили их: «Во время бомбежек сидели в «щелях». Научились по звуку различать наши самолеты и немецкие. А еще придумали такую затею-игру. Когда начинался налет и слышался гул тяжело груженных бомбами немецких самолетов, мы кричали протяжно:

– Везе-ем, везе-е-ем.

Дальше коротко:

– Подарки!

На отрывистых звуках наших зениток часто:

– Кому-кому-кому?

При вое падающих на нас бомб опять с протягом:

– Ва-а-ам! Ва-а-а-м!

Это помогало переживать налеты [3].

В мирной жизни детские тексты, сопровождавшие конкретные действия (например, «Идет коза рогатая... забодаю-забодаю»), обычно назывались прибаутками (местный вариант «пригутки»), и озвучивали их, развлекающая или отвлекающая детей, взрослые люди. Помимо чисто развлекательной функции такие игры с прибаутками также выполняли познавательные и развивающие функции. В условиях бомбовой войны и зачастую – почти полной беспомощности самих взрослых – дети самостоятельно восполняли образующиеся лакуны, сочиняли и произносили игровые тексты, которые помогали им преодолевать самое страшное время начала бомбового удара (после «Ва-а-а-м» все каким-то образом заканчивалось). В этой игровой ситуации не моделировалась желаемая ситуация, но преодолевалось время.

Военные бои и бомбежки нередко становились частью игрового пространства. Мальчики, рискуя жизнями, внимательно следили за ними, сопереживая «нашим»: «*Помню бомбежку: хотел посмотреть битву самолетов в воздухе, они летят, гудят, а бабка меня тащит за руку: “Скорей, скорей”, а я упираюсь, очень не хотел идти с ней... Мы собирались в стаи и бегали к Волге, к заводу, бегали смотреть зенитки, потом бегали к госпиталю... Интересно было смотреть на бои наших самолетов с немецкими, хотелось болеть за наших... Как спасались от самих бомбежек, не помню, бежали в дом, старались нас не выпускать, но мы бегали к Волге, к заводу. Потом с мальчишками смотрели на самолеты через черные стекла, летом старшие мальчики коптели стекла и через них мы все глядели на небо на самолеты. Самолеты были большие четырехмоторные с резким гулом» [15].*

Очень показательны в последнем тексте слова о том, как спасались от бомбежек, забылось, а как наблюдали воздушный бой

помнится до деталей (четыrehмоторные самолеты с резким гулом).

Наконец, война «снабдила» детей невиданными ранее «игрушками» и связанными с ними играми: «*Помню блестящие, с острыми рваными краями осколки бомб, и мы ими играли. Их приносил соседский мальчик с Волги» [1, с. 183].*

Непреодолимо влекла к себе сталинградских мальчишек военная техника: «*...игры стали связаны с войной и всем военным, потом играли с военной техникой, что приходила к заводу, бегали на железную дорогу». «Мы мальчишками часто крутились на реке, нашли затонувшую баржу с боезарядами около Лесобазы на самой Волге, это был 1947 год. Находили мины, большие снаряды, целые обоймы, но патроны сырые. Сушили их около костра, разложив на песке. Потом сухие патронные брали и шли на железную дорогу. Нас была толпа ребят, мы ждали поезд, например, идет поезд из Краснодара и клали на рельсы эти патроны. Нравилось нам смотреть, как патроны летят рикошетом, рикошетиют от колес, потом разбежались мы в разные стороны. Нас ловили за это, лупили, штрафовали»... Играли с патронами, много техники было около судостроительного завода. Бегали мы на завод, туда по железной дороге приходила фронтовая «убитая» техника (дуло от танков, пушки, танковые башни, даже целые танки). Расплавлялось все это на железные листы. В этих железках грудях были и велосипеды, и мотоциклы, нам, конечно, это было интереснее всего. Иногда попадались работающие мотоциклы. Мальчишки сливали остатки керосина, бензина из неработающих мотоциклов или другой техники, там, в баках-то на доньшке оставалось, то еще где-нибудь чуть-чуть и потом все это сливалось в один работающий мотоцикл, на котором ездили по району. За нами гонялись милиционеры, чтобы отобрать работающий мотоцикл, так как среди железа находился каждый 20 работающий. Милиция тогда без техники была, и мотоцикл им был нужен.*

Мы также и в сами танки лазили, там, в груди танков были разные сгорев-

шие люди, но мы ничего не понимали, и нам главное было что-то покрутить внутри, повертеть, порулить. Мальчишки гораздо старше, женщины приходили туда и обыскивали сгоревшие тела, снимали часы, кольца, сережки, зубы» [15];

«Наиболее ярким моим воспоминанием остался «Гушур» – кладбище разбитой нашей и немецкой техники (машины, мотоциклы, вагоны и многое другое), которое находилось примерно в километре от нашего села. Почти ежедневно мы бывали там со сверстниками» [19, с. 140].

Игры детей с оружием фиксировались и анализировались и немецкими исследователями, они представлены в художественной литературе. Ф. Маубах назвала этот феномен «прикосновением к опасности в целях ее укрощения», отметив детскую склонность приблизиться к опасности и «потрогать» ее. Такая стратегия противоположна поведению взрослых, которым свойственно убежать, либо защищать себя [17, с. 167–168]. Исследовательница считает, что завладевая осколками снарядов и бомб, дети, таким образом, стремились предотвратить (обезвредить) грозящую им с воздуха опасность, как бы вобрать в себя разрушительную силу бомб. Вместе с тем, она подчеркивала, что «это поведение... являлось специфической, обусловленной войной версией классического испытания на мужество, которое готовило людей к реальной опасности» [там же, с. 169].

Последняя фраза, содержащая указание на «мужество», а главное – собранный нами обширный материал, относящийся к теме поведения детей в ситуациях бомбовой войны – свидетельствуют о том, что эта поведенческая модель была характерна преимущественно для мальчиков, причем старше 6 лет. По словам одной из наших информанток, в играх военного и послевоенного времени мальчики сознательно и демонстративно проявляли отчаянность и бесстрашие, уподобляя себя взрослым победителям: *«Конечно, мальчишки, пережившие войну, были хулиганами. А иначе им и нельзя было. Отчаянность и приводила к победе»* [11]. Вместе с тем, их игровая отчаянность приводила к более быстрому и успешному преодолению травм войны, то есть к победе

внутренней. В данном случае, как представляется, мы имеем дело именно с «мужской» (но в мальчиковом варианте) стратегией поведения в условиях смертельной опасности. Мальчишки военного времени (как и взрослые мужчины) выходили в открытое пространство боев, но, не имея возможности сражаться по-взрослому, прибегали к помощи игры, укрощая опасность магическим прикосновением к ней.

Чужое и опасное пространство войны осваивалось не только с помощью текстовозаклинаний или прикосновений к нему. Дети пытались сделать его «своим» и с помощью других приемов, способных наладить связи в хаотичном окружающем мире войны. Один из способов включения «чужого» в свою систему координат и налаживания таких связей – имянаречение. Так получали свои прозвища минометные установки: немецкие – «Ванюши» и советские («свои») – «Катюши». Первые стреляли, как ишаки (по звуку); вторые – как стрелы (полет с шипением). Несущие разрушение и смерть бомбардировщики, назывались «гостями».

Нередкими были случаи гибели детей или получения увечий во время игр с оружием, но опасность не останавливала, а, напротив, влекла. Через игру мальчишки вновь переживали ситуации пережитой войны, но моделировали их по своему выбору: с неизбежной победой «наших» и попранием врага. Иногда попрание происходило в очень своеобразной форме. Так, сталинградские мальчишки катались с ледяных гор на замерзших трупах немецких солдат. Этими же трупами по вечерам пугали знакомых девочек, приставляя их с улицы к освещенным окнам жилых домов [20]. Помимо простого хулиганства здесь явно просматривается манипулирование мертвыми телами врагов в целях получения компенсации за пережитые страхи и унижения в игровой ситуации. Безусловно, такие приемы компенсации возможны были только на территории детства.

Игры «в войну» буквально захлестнули территорию детства страны первых послевоенных лет. Заводилами в них были всегда мальчишки, но нередко принимали участие и девочки, правда, для них это было сопряжено с гораздо меньшей «отчаянностью»:

«Мы уже не играли в куклы и казаки-разбойники, мы играли в войну. Мальчишки все были «нашими», а невидимые «фашисты» стреляли в них и иногда даже «ранили», и тогда я делала им «перевязки» [1, с. 130]; «...в игры разные играли. Особенно нравилось нам в войну играть: кто санитаркой, кто и повязки делал с красным крестом, что она там врач или кто; кто партизан, кто немец. Делились на две команды, друг друга ловили, куда-то тянули и кого-то допрашивали... Вот то, что от войны было, все показывали. Это вот все основная наша игра была» [14].

Очень показательны, что «фашисты» в детских военных играх были либо «невидимыми», либо в их число попадали дети-изгои, иногда на эти роли «назначали» самых маленьких.

Что касается времени войны, бомбежек, то для стратегии поведения девочек в условиях опасности характерным было как раз стремление «убежать», укрыться: *«Мы испытывали бомбежки по 17 раз в сутки. Папа работал далеко, его отпускали на один день в семью. Когда он приходил, ложился на постель (видно уставал), а нас провожал в бомбоубежище. Однажды я заявила: «Раз папа не идет, то и я не пойду», и забралась под кровать к своей кукле Кате» [10]; «Было страшно и нам, детям, и взрослым, наверное, тоже. Помню, что нас накрывали одеялами, чтобы мы не боялись» [19, с. 196.]; «Я помню, как часами сидела неподвижно в окопе, уткнувшись в мамы коленки, и ее тело казалось единственной тонкой перегородкой, защищавшей от царившего вокруг ужаса» [1, с. 87].*

Если мальчишеские запасы игрушек чаще всего представляли собой трофеи, добытые на полях недавних сражений (остатки оружия, осколки бомб и пр.), то девичье игровое пространство часто пополнялось за счет даров военнопленных: *«Ходили мы с подружкой за трофеями немецкими (в немецкий госпиталь. – М. Р., М. Н.). Записные книжки у них были, нам нравились они. Письма цветными чернилами написанные находили на белой бумаге. У нас-то все серенькое было. Забирали*

*себе это все, играли потом» [4]; «Игрушки были самодельные. Помню, что во дворе была найдена немецкая губная гармошка. Я на ней играла» [8]; «Немцы были большие умельцы. Мне, например, подавали ромашку. Цветок из стружки. Кто-то строгал, что-то делал, а они стружки собирали и как-то делали. Такой цветок красивый... я принесла его домой с такой гордостью...» [12]; Очень показательны, что именно девочки стремились включить военнопленных в число «своих», «одомашнить» их: *«Я дружила с дядей Гансом, носила ему еду, а он играл мне на губной гармошке и все плакал. А потом и его не стало, как не стало и моего братика» [19, с. 261].* В целом мир детства демонстрировал очень гуманное, милосердное отношение к пленным немцам; в записанных нами воспоминаниях практически нет примеров ненависти или грубого отношения к ним со стороны детей. Но привязанность и истинное сострадание к ним проявляли, в первую очередь, девочки.*

И в послевоенное время девочки формировали свое игровое пространство другими способами и утверждали через них другие ценности: дома, семьи, будущих детей. Они уходили в свой мир, не желая признавать мир взрослых с его неоправданной жестокостью, а потому наряду с «войнушкой» активно возрождались вечные «дочки-матери», «магазины» и незамысловатые «домики», устраиваемые под столом с помощью покрывала или платка. Возможно, эти игры призваны были также и готовить девочек к освоению жизненного пространства, в котором уже не было войны.

Конечно, игры и игровые ситуации были лишь одной из форм адаптации детей к условиям войны, наряду с ними дети вырабатывали и другие стратегии и практики выживания. Нельзя говорить и о том, что игры безусловно спасали психику детей от травмирующего воздействия войны. Воспоминания тех, кто пережил Сталинградскую битву в детстве, содержат массу свидетельств явных психологических травм и расстройств (временная потеря речи, заикание, фобии, навязчивые и тяжелые сновидения и пр.), но очевидно и то, что мир детства вел активную

борьбу за выживание, в том числе и сугубо детскими способами, в которых игра имела ведущее значение.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14–31–12036 «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания детей военного Сталинграда. – М. : ИПК «Знак», 2010. – 208 с.
2. Выготский, Л. С. Вопросы детской психологии / Л. С. Выготский. – СПб. : Союз, 1999. – 224 с.
3. Запись М.А. Рыбловой 2009 г. в очереди в поликлинике № 4 г. Волгограда.
4. Интервью с Белкиной Е.Б., 1934 г. р. Записала Косова А., февраль 2014 г. // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
5. Интервью с Блиновой Л.А., 1936 г. р. Записала Косова А., апрель 2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
6. Интервью с Воронцовой Е.И. 1931 г. р., г. Сталинград. Записала: Попкова Е. А., июль 2013 г. // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
7. Интервью с Гусевым А.И., 1935 г. р., г. Ленинград. Записала Л.А. Бондаренко, апрель 2014 г. // Архив музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда».
8. Интервью с Ершовой (Лукиной) В.Н., 1939 г. р., г. Сталинград. Записала Смирнова Ю.В., апрель 2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
9. Интервью с Забелиной Т.В., 1941 г. р. Записала Атрашенко Е., июнь 2013 г. // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
10. Интервью с Лошаковой Т.Н., 1929 г. р., г. Ленинград. Записала Смирнова Ю.В., апрель 2014 г. // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
11. Интервью с Овчинниковой З.Н., 1931 г. р. Записала Смирнова Ю.В., апрель 2014 г. // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
12. Интервью с Русиной (Рыбловой) Ю.А., 1937 г. р. Записала Когитина А.В., июнь 2014 г., г. Палласовка // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
13. Интервью с Савиным А.С., 1937 г. р. Записала Смирнова Ю.В., апрель 2014 г. // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
14. Интервью с Субикиной Е.А., 1928 г. р., г. Ленинград. Записала Смирнова Ю.В., апрель 2014 г. // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

15. Интервью с Тарановым А.В., 1938 г. р. Записала Решетникова Л.М., март 2014 г. // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

16. Интервью с Феклистовой А.В., 1929 г. р. Записала Попкова Е. А., 23 марта 2014 г. // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

17. Маубах, Ф. Сказки, игры, ролевой обмен: детское освоение военного насилия (1939–1945) / Ф. Маубах // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». – Краснодар : Экоинвест, 2010. – С. 147–176.

18. Морозов, И. А. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.) / И. А. Морозов, И. С. Слепцова. – М. : Индрик, 2004. – 920 с.

19. Мы родом из войны. Дети военного Сталинграда вспоминают... – Волгоград : Издатель, 2004. – 144 с.

20. «Родина – Мать». ТВ-фильм. Реж. Е. Листова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=Rz0eS5d-pI. – Загл. с экрана.

21. Сталинградское детство. 23 августа 1942 года. – Волгоград : Радуга, 2013. – 136 с.

22. Улыбка. Творческий сайт учителя начальных классов Самигуллиной Г.Ю. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sch122-smile.edusite.ru/p119aa1.html>. – Загл. с экрана.

23. Хейзинг, Й. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры / Й. Хейзинг. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.

24. Цыбуленко, А. В. Дети войны. Очерк / А. В. Цыбуленко. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.pokrovka-info.ru/creation1_children_war.php. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. *Vospominaniya detey voennogo Stalingrada* [Recollections of Children of Wartime Stalingrad]. Moscow, Znak Publ., 2010. 208 p.
2. Vygotskiy L.S. *Voprosy detskoy psikhologii* [Issues of Child Psychology]. Saint Petersburg, Soyuz Publ., 1999. 224 p.
3. Zapis M.A. Ryblovoy 2009 g. v ocheredi v poliklinike № 4 g. Volgograda [M.A. Ryblova's Record of 2009 in a Queue in the Hospital no. 4 in Volgograd]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].
4. Intervyu s Belkinoy E.B., 1934 g.r. Zapisala Kosova A., fevral 2014 g. [Interview with E.B. Belkina, Born in 1934. Recorded by A. Kosova, February 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

5. Intervyu s Blinovoy L.A., 1936 g.r. Zapisala Kosova A., april 2014 [Interview with L.A. Blinova, Born in 1936. Recorded by A. Kosova, April 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

6. Intervyu s Vorontsovoy E.I. 1931 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Popkova E.A., iyul 2013 g. [Interview with E.I. Vorontsova, Born in 1931 in Stalingrad. Recorded by E.A. Popkova, July 2013]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

7. Intervyu s Gusevym A.I., 1935 g.r., g. Leningrad. Zapisala L.A. Bondarenko, april 2014 g. [Interview with A.I. Gusev, Born in 1935 in Leningrad. Recorded by L.A. Bondarenko, April 2014]. *Arkhiv muzeya "Deti Tsaritsyna-Staligrada-Volgograda"* [The Archive of the Museum "Children of Tsaritsyn-Stalingrad-Volgograd"].

8. Intervyu s Ershovoy (Lukinoy) V.N., 1939 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Smirnova Yu.V., april 2014, g. Volgograd [Interview with V.N. Ershova (Lukina), Born in 1930. Recorded by Yu.V. Smirnova, April 2014, Volgograd]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

9. Intervyu s Zabelinoy T.V., 1941 g.r. Zapisala Atrashenko E., iyun 2013 g. [Interview with T.V. Zabelina, Born in 1941. Recorded by E. Atrashenko, June 2013]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

10. Intervyu s Loshchakovoy T.N., 1929 g.r., g. Leningrad. Zapisala Smirnova Yu.V., april 2014 g. [Interview with T.N. Loschakova, Born in 1929 in Leningrad. Recorded by Yu.V. Smirnova, April 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

11. Intervyu s Ovchinnikovoy Z.N., 1931 g.r. Zapisala Smirnova Yu.V., april 2014 g. [Interview with Z.N. Ovchinnikova, Born in 1931. Recorded by Yu.V. Smirnova, April 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

12. Intervyu s Rusinoy (Ryblvoy) Yu.A., 1937 g.r. Zapisala Kogitina A.V., iyun 2014 g., g. Pallasovka [Interview with Yu.A. Rusina (Ryblova), Born in 1937. Recorded by A.V. Kogitina, June 2014, Pallasovka]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

13. Intervyu s Savinym A.S., 1937 g.r. Zapisala Smirnova Yu.V., april 2014 g. [Interview with A.S. Savin, Born in 1937. Recorded by Yu.V. Smirnova, April 2014].

Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

14. Intervyu s Subikinoy E.A., 1928 g. r., g. Leningrad. Zapisala Smirnova Yu.V., april 2014 g. [Interview with E.A. Subikina, Born in 1928 in Leningrad. Recorded by Smirnova Yu.V., April 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

15. Intervyu s A.V. Taranovym, 1938 g. r. Zapisala Reshetnikova L.M., mart 2014 g. [Interview with A.V. Taranov, Born in 1938. Recorded by L.M. Reshetnikova, March 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

16. Intervyu s Feklistvoy A.V., 1929 g. r. Zapisala Popkova E.A., 23 marta 2014 g. [Interview with A.V. Feklistova, Born in 1929. Recorded by E.A. Popkova, March 23, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

17. Maubakh F. Skazki, igry, rolevoy obmen: detskoe osvoenie voennogo nasiliya (1939-1945) [Tales, Games, Role-Sharing: Children's Experience of Military Violence (1939-1945)]. *Vtoraya mirovaya vojna v detskikh "ramkakh pamyati"* [World War II in Children's "Memory Frames"]. Krasnodar, Ekoinvest Publ., 2010, pp. 147-176.

18. Morozov I.A., Sleptsova I.S. *Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krestyanina (XIX-XX vv.)* [Circle of Game. Holiday and Game in North Russian Peasant's Life (19-20th Centuries)]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 920 p.

19. *My rodом iz vojny. Deti voennogo Staligrada vspominayut...* [We Come Out of the War. The Children of Wartime Stalingrad Recall...]. Volgograd, Izdatel Publ., 2004. 144 p.

20. "Rodina-Mat". *TV-film rezh. E. Listova* ["Mother-Motherland". TV-Film by E. Listov]. Available at: https://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=vRz0eS5d-pI.

21. *Staligradskoe detstvo. 23 avgusta 1942 goda* [Stalingrad Childhood. August 23, 1942]. Volgograd, Raduga Publ., 2013. 316 p.

22. *Ulybka. Tvorcheskiy sayt uchitelya nachalnykh klassov Samigullinoy G. Yu* [Smile. Creative Website of Primary School Teacher G. Yu. Samigullina]. Available at: <http://sch122-smile.edusite.ru/p119aa1.html> (accessed May 7, 2014).

23. Kheyzing Y. *Homo ludens. Opyt opredeleniya igrovogo elementa kultury* [Homo Ludens. Essay in Defining the Game Element in Culture]. Saint Petersburg, Izd-vo Ivana Limbakha, 2011. 416 p.

24. Tsybulenko A.V. *Deti vojny. Ocherk* [Children of War. Essay]. Available at: http://pokrovka-info.ru/creation1_children_war.php.

**“BOYS PLAY WAR”:
GAME AS A WAY OF MASTERING
THE SPACE OF WAR BY CHILDREN**

Ryblova Marina Aleksandrovna

Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher,
Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences
ryblova@mail.ru
Prosp. Chekhova, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation

Nazarova Marina Petrovna

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering
nazarov.34@yandex.ru
Akademicheskaya St., 1, 400074 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article investigates various ways to help children adjust to war conditions through games and playful situations. During Soviet times this approach was established to aid children in war conditions. Then these techniques were applied to other areas of the populace. However, they did not take into account the differences in perception of military events between children and adults.

It is obvious that there are some differences in the way children would adapt to war using these techniques, mostly because children's adaptation process would always happen in a playful way. Based on the analysis of the personal sources, the article describes the games of the children of Stalingrad and the way they helped them to adapt to the hardest conditions of one of the bloodiest battles in history, and a way to create a proper child space in chaos and violence of the adult world.

The authors also identified gender and age specifics of children's war games, showing their abilities to deal with the war situation itself and its psychological consequences.

Key words: anthropology of military childhood, adaptive game possibilities, child's territory of the war, gender and age characteristics of children's war games.